

массовому материалу, никогда не являлся особо значимым по сравнению, скажем, с синхронными фасосским, синопским или родосским, его необходимо учитывать для получения объективной картины торговых связей античной эпохи. А поскольку клеймение в Колофоне, судя по всему, носило нерегулярный характер, присутствие колофонской тары в составе керамических комплексов может и должно фиксироваться по обломкам неклеяемых сосудов, легко выделяемых из всего массива фрагментированной керамики.

С. Ю. Монахов

NOTES ON THE LOCALISATION OF CERAMIC CONTAINERS,
AMPHORAS AND AMPHORA SEALS OF COLOPHON

S. Yu. Monakhov

This paper attempts to localise amphoras of Hellenistic Colophon. The author, having collected together all known finds of Colophon amphora seals, and relying on the discovery in Olbia of a fragmented sealed Colophon amphora, has singled out, by comparison, a group of sealed Colophon amphoras of early Hellenistic times. The most notable features of these amphoras are the double-stemmed handles, the cuplike base, and the peculiar reddish-brown clay with an admixture of sand. It is suggested that examples of containers of other types were made in Colophon along with this type at the end of the fourth and in the first half of the third century B. C., including one with single-stemmed handles.

© 1990 г.

ПЕРВЫЙ ПОКАЯННЫЙ ГИМН СОФИИ:
ИЗ ГНОСТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Обращаясь к такой теме, как гностическая интерпретация, мы намерены коснуться только одной ее стороны. Нас интересует взгляд авторов гностических текстов на приводимое ими толкование, логика их рассуждений, мы пытаемся выяснить, чем могли руководствоваться они в своих построениях и оценках. Подходя к теме таким образом, мы затрагиваем вопросы, связанные с мировосприятием гностиков, общим настроением их сознания.

В качестве источника нами выбран текст, содержащий прекрасный материал для изучения гностической интерпретации. Этот текст взят из произведения, за которым в специальной литературе укрепилось название «Пистис София». Это произведение сохранилось в коптском пергаментном манускрипте, имеющем форму кодекса. По имени лондонского врача и библиофила, купившего кодекс в 1750 г., А. Эскью его называют Аскевианским; иное наименование — Лондонский. В датировке кодекса расхождения были очень велики — в несколько столетий. В последнее время его относят к годам между 340 и 360, а временем составления «Пистис София» предполагают 30-е годы IV столетия¹. Дошедшее до нас произведе-

¹ *Tardieu M., Dubois J.-D.* Introduction à la littérature gnostique. I. CERF/CNRS. 1986. P. 66, 80.

дение, написанное, видимо, в Египте, является по мнению подавляющего числа исследователей переводом с греческого.

Хотя Аскевианский кодекс известен ученым уже более двух веков, имеется всего несколько переводов «Пистис София» на новоевропейские языки и латынь. Отсутствие же критического издания, снабженного комментарием и справочным аппаратом, сильно затрудняет изучение этого уникального памятника гностической мысли², настолько же содержательного, как и сложного. Можно лишь изумляться тому, что текст такой исключительной важности для истории духовной культуры древности, таких чисто художественных достоинств, заинтересовал столь малое число ученых³.

Как бы ни решался вопрос о природе гностического мировоззрения или умонастроения, мифологический аспект древних текстов, которые можно поставить в связь с этим явлением, неизменно привлекает к себе внимание исследователей. Им удалось наметить так называемый «гностический миф» — некую идеальную модель, которой в большей или меньшей степени отвечают конкретные источники. Читатель мог ознакомиться с русским переводом одного из таких текстов, сохранившихся на коптском языке, — «Апокрифом Иоанна»⁴, где основные узлы этой модели выражены достаточно ясно. «Пистис София» не принадлежит к памятникам, в которых гностическая мифология отразилась столь широко. «Пистис София» в целом освещает один, хотя и чрезвычайно важный сюжет гностического мифа — о падении и восхождении сущности высшего мира Софии. Однако было бы неверным думать, что только к этому сводится мифологический пласт «Пистис София». Отнюдь нет. То — лишь сюжетная канва, в сложных узорах, вышитых по ней, мы найдем следы самых разных мифологических персонажей и событий. Тема света, его единства, его очищения, сопротивления его отторжению и рассеянию, разворачиваемая как на уровне космического бытия, так и единичного существования, является стержневой для всего произведения.

«Пистис София» построена по типу беседы воскресшего Иисуса с ближайшими его учениками — форма обычная для многих гностических текстов. В этой беседе, местом которой названа Масличная гора, Иисус обещает собравшимся вокруг него ученикам открыть последние тайны мироздания. Иисус повествует о своем пути к вышним, пролежавшем через мир эонов и архонтов, чья сила была сокрушена им. При вознесении Иисус встретил Пистис Софию, горько оплакивавшую свою участь. Злоключения этого персонажа подробно описываются в рассказе Иисуса. Первоначально София обитала в тринадцатом эоне. Она возжаждала высшего и направила свой взор к Свету светов. Архонты двенадцати эонов возненавидели ее и, ведомые архонтом Дерзким (ΑΥΘΑΔΗΣ), заманили в вещество (ΖΥΛΗ), хаос, облекли ее тьмой, обманув ложным светом. София поняла свою ошибку, вознесла покаянные гимны к Свету светов, прося спасти ее. Моления были услышаны, послан Иисус, чтобы извлечь Софию из хаоса. Тогда София воспела благодарственные гимны вышнему. Затем, согласно рассказу Иисуса, она была возвращена им в тринадцатый эон. Беседа продолжается. Один за другим следуют вопросы и ответы

² Присоединяемся к высокой оценке памятника, данной Э. Амелино в предисловии к французскому переводу: ΠΙΣΤΙΣ ΣΟΦΙΑ (Pistis-Sophia). Trad. par Amélineau. P., 1895. P. XXXI.

³ Tardieu, Dubois. Op. cit. P. 82.

⁴ См. Трофимова М. К. Из истории ключевой темы гностических текстов // Палеобалканистика и античность. М., 1989. С. 189—203; она же. Апокрифы из Наг-Хаммади // Апокрифы древних христиан. М., 1989. С. 197—217.

о природе мира высочайшего, о тайнах света, без ведения которых нельзя проникнуть в те или другие части мироздания. Тема души преобладает в беседе. Из сказанного Иисусом следует: с одной стороны, требуется знание магии, с помощью которой оставившая тело душа может продолжить свой путь к вышним и силы враждебных архонтов сдерживаются, с другой, сама она должна быть чистой и средствами той же магии удостовериться в прощении грехов. Тогда душе открыта Сокровищница света. Иисус говорит: «Те тайны (ΜΥΣΤΗΡΙΟΝ), о которых вы вопрошаете, — нет тайны, что была бы выше них. Они проведут ваши души к Свету светов, в места истины и блага, в место Святое всех святых, в место, где нет ни мужчины, ни женщины, ни формы (ΜΟΡΦΗ), но свет постоянный и несказанный» (378)⁵.

«Пистис София» построена так, что Иисус не только отвечает на вопросы учеников, но вызывает их самих на обсуждение смысла услышанного, ждет интерпретации, которую, в свою очередь, оценивает. Передавая покаянные гимны Софии, Иисус настраивает учеников на истолкование песнопений, побуждает их говорить. Ситуация интерпретации, рефлексии — определяющая в произведении. Мы хотели бы познакомиться с ней читателя, предложив ему разбор одного небольшого фрагмента из «Пистис Софии», который содержит первый покаянный гимн Софии, 68/69 псалом Давида, приведенный в качестве толкования гимна Марией Магдалиной, а также диалог с разъяснениями по этому поводу между Марией и Иисусом. Набор таких структурных единиц, как гимн, псалом, толкование на них в диалоге, неоднократно повторяется в «Пистис Софии», хотя нередко наличествует еще одна единица — миф. Ее отсутствие, быть может, связано здесь с тем, что первому гимну непосредственно предшествует повествование Иисуса и оно как бы заменяет собой миф, уточняющий ситуацию, в которой гимн функционирует.

Начнем разбор фрагмента с диалога, а именно с тех мест его, где так или иначе выражена рефлексия относительно предлагаемого толкования. Интерпретируемый текст не только приведен полностью, но и определен в следующих словах: «гимн (ΨΥΜΝΟΣ), который рекла Пистис София в своем первом покаянии (ΜΕΤΑΝΟΙΑ), каюсь в своем грехе и говоря обо всем, что произошло с ней» (52). Вызов к истолкованию гимна заключен в знакомой по каноническому тексту Нового Завета и апокрифам формуле: «Ныне же тот, кто имеет уши слышать, да услышит он» (52). Сама же интерпретация, т. е. приведенный Марией 68/69 псалом Давида, названа ею «разрешением (ΒΛΑ) тайны (ΜΥΣΤΗΡΙΟΝ) покаяния Пистис София» (55)⁶.

Мы еще вернемся к диалогу, но прежде присмотримся к отношениям гимна и псалма, к чертам их сходства и различия, с целью уяснить, что же могли означать слова Марии о «разрешении тайны». Заметим попутно, что непреложность сказанного Марией, т. е. выраженного ею толкования, скреплена репликой Иисуса: «Хорошо же, Мария, блаженная...» (56).

В нашем разборе мы оставляем в стороне текстологическую проблему, касающуюся того, какие именно редакции псалма были положены в ос-

⁵ Перевод с коптского выполнен нами по кн.: Schmidt C. Pistis Sophia // Coptica 2. Copenhagen. 1925. Цифры в скобках, данные в статье за цитатами из «Пистис София», если особо не оговорены, соответствуют пагинации рукописи, принятой в этом издании К. Шмидта.

⁶ В подобных случаях для обозначения интерпретации употребляются несколько дальше в «Пистис София» такие выражения, как: «смысл (ΝΟΗΜΑ) покаяния» (58), «разрешение смысла покаяния» (62).

нову его коптского перевода, а также какие были использованы при составлении гимна, поскольку эта проблема не имеет прямой связи с задачей данной статьи, хотя сама по себе и очень важна. Но мы не будем уходить от нашей цели: рассмотреть фрагмент, как след рефлексии его автора, понять логику его рассуждений. По той же причине мы опускаем и дебатировавшийся в специальной литературе вопрос о том, сочинены ли покаянные гимны самим автором «Пистис София» или они существовали независимо от этого произведения и, подобно псалмам, претерпев ту или иную обработку, были включены в композицию⁷. Так или иначе, с точки зрения истории текста очевидно, что псалом Давида 68/69 служил образцом при создании гимна, был, так сказать, переведен в другую знаковую систему — гностического мифа⁸. Однако в композиции «Пистис София» псалом и гимн меняются местами: здесь псалом играет роль интерпретирующего гимна.

Приступая к сравнению гимна и псалма, отметим, что по числу стихов (36) они равны, причем стихи одного текста почти везде как-то соответствуют стихам другого. Отношения гимна и псалма складываются в виде некоего схождения — расхождения двух текстов. Напряженность этих отношений всего более ощутима, пожалуй, в первых и последних стихах. Так, первые пять стихов гимна в сжатой форме включают самые необходимые сведения о содержании мифа, в нем отраженного. Тут мы найдем своеобразный ключ к знаковой системе гимна. Вот эти стихи:

1. О, Свете светов, тот, в который от начала уверовала я. Услышь же ныне, Свете, покаяние мое. Спаси меня, Свете, ибо злые мысли вошли в меня.
2. Взглянула я, Свете, на части нижние, узрела я там свет и помыслила: пойду я к тому месту, чтобы свет сей взять. И пошла я, и оказалась во тьме, той, что внизу хаоса. И не смогла я вырваться оттуда, дабы пойти к месту моему, ибо теснима была всеми исхождениями сего Дерзкого. И сила с ликом львиным взяла свет мой, что у меня.
3. И воззвала я о помощи, и не вырвался вопль мой из тьмы, и обратила я взор мой к вышнему, дабы Свет помог мне, тот, на который уповала я.
4. И когда обратила я взор мой к вышнему, увидала я всех архонтов эонов многочисленных, и взирали они на меня и насмехались надо мною, хоть и не сделала я им ничего злого, но ненавидели они меня без причины. И когда исхождения сего Дерзкого увидали архонтов эонов, насмехающихся надо мной, они поняли, что архонты эонов не помогут мне, и осмелели они, эти исхождения, что теснили меня силою. И свет, тот, который я не отбирала у них, они отобрали у меня.
5. Ныне же, Свете истины, ты знаешь, что я сделала сие в простоте моей, думая, свет с ликом львиным тебе принадлежит. И грех, который я содеяла, открыт пред тобою.

Гимн начинается с указания на то, к кому он обращен. Это «Свет светов» (стих 1). «Я» гимна, т. е. Пистис София, от лица которой гимн ведется, по имени не называется, но характеризуется косвенно — через

⁷ Обзор литературы об этом см.: *Kragerud A.* Die Hymnen der Pistis Sophia. Oslo, 1967.

⁸ Ср. в связи с этим размышления скандинавского исследователя Г. Лудина Янсена о дистанции между системой верований Ветхого Завета в 87/88 псалме и гностической системой в соответствующем этому псалму покаянном гимне Софии (*Ludin Jansen H.* Gnostic Interpretation in Pistis Sophia // *Proceeding of the IXth International Congress for the History of Religions Tokio and Kyoto 1958.* Tokio, 1960. P. 106—111).

упоминания действий и состояний. Содержание гимна не только обозначено: «покаяние мое» (ст. 1), но и намечена вина: «злые мысли», приведшие к ложным действиям, к ситуации обмана. Ясен стержень, вокруг которого разворачивается действие: борьба за свет. Поименованы враги: исхождения Дерзкого, сила с ликом львиным, архонты эонов. Очевидна принадлежность описываемого миру внеземному. Названа просьба, заключенная в гимне: спасение.

Что же касается псалма, на его начале меньше, чем в гимне, сказывается забота о том, чтобы пояснить, о чем, собственно, пойдет речь. И это естественно, поскольку с точки зрения последовательности, в которой создавались тексты, псалом первичен. Автор же гимна, вторичного относительно псалма, как бы был вынужден дать ключ к его знаковой системе, чтобы оттенить особость этого текста. Присмотримся к началу псалма:

1. Избавь меня, Боже, ибо воды дошли до души моей.
2. Погряз я или погиб в преисподней, и не было у меня силы; опустил я в глубины морские, буря поглотила меня.
3. Исстрадался я, взывая; гортань моя охрипла; очи мои убыли, в то время как уповал я на Бога моего.
4. Многочисленнее волос на голове моей ненавидящие меня без причины; усилились враги мои, преследующие меня несправедливо; чего не грабил я, они отняли у меня.
5. Боже, Ты узнал безумие мое; и грехи мои не сокрыты от Тебя.

Хотя некоторые из затрагиваемых в этих стихах вопросы те же, что и в гимне, освещение их иное. Другая инвокация: «Боже». «Я» псалма — это не космическая сущность, как в гимне, но человек. Сказано и о преследующих того, от имени которого псалом: налицо образ врагов на войне, многочисленных, усиливающих, грабящих. Мольба об избавлении сплетается со словами упования на «Бога моего». Звучит тема покаяния: «Боже, ты узнал безумие мое; и грехи мои не сокрыты от Тебя» (ст. 5).

Достаточно заметно отличаясь друг от друга по своему содержанию, первые стихи гимна и псалма, тем не менее, постоянно перекликаются между собой, их сходство простирается до почти полного совпадения целых пассажей. Так, в гимне (ст. 4) читаем обо «всех архонтах эонов многочисленных», что «...ненавидели они меня без причины» — в псалме же (ст. 4) сказано: «Многочисленнее волос на голове моей ненавидящие меня без причины». Близки по своей форме и заключительные фразы этого стиха: «И свет, тот, который я не отбирала у них, они отобрали у меня» (гимн); «...чего не грабил я, они отняли у меня» (псалом). Но разница между космическими устремлениями гностического гимна и религиозностью библейского псалма все же дает о себе ясно знать. Достаточно одного слова, чтобы изменился смысл. В гимне говорится о свете, который «они отняли у меня». В соответствующем же пассаже псалма упоминания о свете нет и быть не может. Слово «свет» в данном контексте указывает на ту почву гностического мифа, которая питала гимн, но была чужой псалму.

Как уже было сказано выше, в начале псалма и гимна обозначены многие темы, которые прослеживаются и дальше. Несколько видоизменяясь, вбирая новые образы, в разных сочетаниях они сохраняют вплоть до стиха 29 горестный, жалобный настрой покаянного песнопения, взя-

тый в первых же пассажах. Черты формальной близости двух текстов еще виднее, чем в начале. Однако всегда есть знак, позволяющий безошибочно ориентироваться в их разном содержании. Вот некоторые из примеров этого.

Ст. 7: «Ибо тебя ради и света твоего в тесноте я, и позор покрыл меня» (гимн); ср. псалом: «Ибо Тебя ради взял я на себя поношения, позор покрыл лице мое». Здесь в гимне, как и в стихе 4, упомянуто о свете, чего нет в псалме. Зато в этом последнем есть слова «лице мое», что отвечает человеческому образу «я» псалма, а не космическому, как в гимне.

Ст. 8: «И света твоего ради стала я чужой моим братьям невидимым и великим исхождением Барбело» (гимн); ср. псалом: «Стал чужим я братьям моим, чужим сынам матери моей». Определение братьев «невидимые» и выражение «великие исхождения Барбело» вместо «сыны матери моей» (псалом) отчетливо говорят о разных знаковых системах, которым принадлежат тексты. То, что в гимне относится к образам космических сущностей, в псалме — людей.

Образы реальной жизни, если они не переосмыслены в гимне, просто отбрасываются, как это видно из ст. 11: «Я облекся во вретище; стал я для них притчею» (псалом); ср. гимн: «И вот, я в этом месте, горяя и ища Свет, тот, что зрела я в вышнем». Но если «вретище» не вяжется с космическими персонажами, «врата» постоянно встречаются в гностическом мифе. Есть они и в ст. 12 гимна, но снабжены дополнением — «эонов». Там сказано: «И искали меня стражи врат эонов, и все те, кто в тайне его пребывал, надо мною глумились». Связь с гностической картиной мироздания очевидна. Совсем иначе ориентированы образы этого стиха в псалме: «Кричали обо мне сидящие у ворот, и распевали обо мне пьющие вино».

Можно было бы увеличить число примеров, так как почти повсюду в сравниваемых текстах есть точки соприкосновения, но систематическое изучение этого не было нашей задачей. Напомним, что целью было распутать один композиционный узел фрагмента, и только ради этого мы предприняли сопоставление двух его структурных единиц — псалма и гимна.

Но прежде чем подвести итог нашим наблюдениям, с тем чтобы приступить к следующему этапу «распутывания узла», позволим себе еще одно сопоставление. На сей раз будут взяты пассажи из заключительной хвалебной части текстов, сильно контрастирующей своей просветленностью с мрачной тональностью других частей. Это — последние три стиха, в которых и в гимне и в псалме проходит образ града. Но как по-разному он трактуется! В гимне читаем:

34. Да восхвалят Господа всех эонов души и вещества, и вещества и все, что в них.
35. Ибо Господь спасет их душу из всякого вещества. И уготовят град в свете. И все души, которые спасутся, пребудут в том граде, и унаследуют они его.
36. И душа тех, которые тайну получат, пребудет в том месте. И те, которые получили тайну во имя Его, пребудут в ней.

Образ «града в свете» напоминает о Сокровищнице света, средоточии света душ, очистившихся от скверны (об этом в «Пистис София» рассеяно много упоминаний). В псалме же Давида «Грады иудейские» хотя и могут быть мыслимы символически, соотносимы с земной реальностью. Они лишены той безусловной надмирности, которой окутан образ града в гимне. Вот текст псалма.

34. Да восхвалят Господа небо и земля, море и все, что в нем.
35. Ибо Бог спасет Сион, и созиждутся грады иудейские, и поселятся там, и унаследуют его.
36. Семя рабов Его удержит его и любящие имя Его пребудут в нем.

Итак, к какому же общему выводу можно прийти, сопоставляя гимн и псалом? Формальное сходство столь же очевидно, как и наличие разных знаковых систем, опирающихся на гностическую мифологию и соответствующее миропонимание, с одной стороны, и религиозность библейского псалма, с другой. Но неужели следовавшая за словами псалма роеплика Марии, что «это есть разрешение тайны покаяния Пистис Софии» притносится к внешнему подобию гимна псалму? Ответ на этот вопрос, как представляется, можно найти в том самом диалоге между Иисусом и Марией Магдалиной, с которого мы начали разбор фрагмента.

Как уже было замечено нами при анализе «Евангелия от Фомы», кажущаяся чисто внешней связь между собой отдельных пассажей с помощью повторяющегося слова позволяет уловить глубинный смысл текста⁹. Так и в рассматриваемом фрагменте следом за призывом Иисуса к толкованию гимна («Ныне же тот, кто имеет уши слышать, да услышит он») вступает Мария со словами: «Господи, мой, есть уши у моего человека света, и слышу я в моей силе света, и твой дух, который во мне, он отрезвил меня» (52). Здесь в «Пистис София» уточняется смысл знаменитого призыва к истолкованию, причем пояснением присуща та определенность образов, которая вообще отличает гностические тексты (Мария слышит «ушами», которые есть у ее «человека света»)¹⁰. Речь идет об обращении к духовной потенции в человеке, имеющей взнезную непреходящую природу (тема, которая в других частях «Пистис София» неоднократно поднимается). Слова Марии о том, как собственно услышано ею сказанное Иисусом, слова, предворяющие толкование, которое предлагается дальше, ориентируют на путь мистического постижения, на уровень других мерил, чем в земном мире.

Об этом уровне сказано в 44 изречении «Евангелия от Филиппа». К этому уровню устремлен гносис. Следы этой ориентации трижды достаточно отчетливо проступают в «Пистис София»: в словах Марии о «твоем духе, который во мне» (52), в ее признании, что сила Иисуса пророчествовала о покаянии Софии в 68-м псалме через пророка Давида (53), наконец, в самом гимне, в обращении Софии («Свете, который в тебе и который во мне», ст. 30). Поэтому, возвращаясь к сказанному во фрагменте о псалме Давида как о разрешении тайны покаяния Софии, мы полагаем следующее. Эти слова, вложенные в уста Марии, не только отвечают общей ряду гностических памятников направленности на то, чтобы увязать смысл того или иного события гностического мифа с библейским текстом, «прочитать» это событие как предсказанное в Писании, но и другому. Они опираются на важнейшее для гностиков представление о едином, единой реальности, манифестирующей себя во множестве форм. В том же, чтобы подняться в постижении манифестируемых форм к этой реальности, гностики видели цель интерпретации, спасение.

⁹ Трофимова М. К. Историко-философские вопросы гностицизма. М., 1979. С. 72—97.

¹⁰ Ср. «Апокриф Иоанна» с его антропологическими представлениями, а также текст из «Пистис София» о том, что представляет собой человек (см. Трофимова М. К. Из истории гностических текстов // Палеобалканистика и античность. М., 1989. С. 216 сл.).

Тема единого прямо или косвенно определяла содержание многих текстов. Она стояла за пространными описаниями мифологических существ и их исхождений. Самое непосредственное отношение к ней имела установка «собрать себя»¹¹, отчетливо выраженная как в гностических писаниях умозрительного типа, так и в ритуальном поведении¹². Учение о внутреннем пути человека, ориентированном на анамнесис, центрирована на едином. Острая неприязнь к миру вещественному, как крайнему проявлению отъединенности, смертности, множественности, была в несомненной зависимости от гностической трактовки темы единого. Рассмотренный фрагмент «Пистис София» с его направленностью на интерпретацию также по-своему отразил атмосферу духовных исканий, в которых доминировала тема единого.

Предлагаемый ниже фрагмент дан в нашем переводе с коптского по изданию К. Шмидта¹³. Свой перевод мы сопоставляли с немецким¹⁴ и французским¹⁵. Выражаем искреннюю признательность А. А. Архипову, взявшему на себя труд ознакомиться с переводом фрагмента и обсудить с нами ряд спорных мест.

«ПИСТИС СОФИЯ», 42—56

42 «И было потом: восшел я к завесам тринадцатого эона. И было: когда подошел я к их завесам, они сами раздвинулись и открылись предо мной. Вошел я в тринадцатый эон, нашел я Пистис Софию ниже тринадцатого эона, совсем одну, рядом с ней никого из них не было. Сидела она в этом месте, скорбя и горюя, ибо не взяла ее в тринадцатый эон, ее место в вышних. И снова скорбела она из-за страданий, которые причинил ей сей Дерзкий, тот, кто один из Троеильных. Но это — когда
43 я буду говорить с вами о его исхождении, я скажу вам тайну, как это случилось.

И было: когда Пистис София увидела меня, светившегося весьма, весьма, не было меры света, который был на мне, она впала в большое смятение, и она взглянула на свет моего одеяния. Узрела она тайну ее имени на одеянии и всю силу тайны, ибо была она вначале в местах вышних, в тринадцатом эоне. Но воспевала она свет в вышних, тот, который узрела на завесе Сокровищницы света. И было: когда продолжала она воспевать свет в вышних, воззрились все архонты, которые при двух великих Троеильных, и ее невидимый, связанный с ней, и двадцать два других исхождений невидимых, — ибо Пистис София и ее супруг, они и другие двадцать два исхождения составляют двадцать четыре исхождения, те, которыми изшел великий Пропатор невидимый, он и два великих Троеильных».

И было: когда Иисус сказал это его ученикам, вышла вперед Мария, она сказала: «Господи мой, я слышала тебя, сказавшего однажды: „Пистис София — сама вне двадцати четырех исхождений“, — и почему она не в их месте? — но ты сказал:
44 „Я нашел ее ниже тринадцатого эона“».

Иисус ответил, он сказал его ученикам: «Было: Пистис София была в тринадцатом эоне, месте всех ее братьев невидимых, это есть двадцать четыре исхождения великого невидимого; и было: по заповеди первой тайны, обратила взор Пистис Со-

¹¹ См. Puech H.-Ch. Gnostic gospels and related documents // Hennecke. NT Apocrypha. V. I. L., 1963. P. 242.

¹² См. об этом в нашей статье «К вопросу о гностической тайне» (в печати).

¹³ Schmidt. Pistis Sophia.

¹⁴ Schmidt C. Koptisch-gnostische Schriften. I. Bd. Die Pistis Sophia. Die beiden Bücher des Jeû. Unbekanntes altgnostisches Werk / 2. Auflage bearb. von W. Till. B., 1954.

¹⁵ ΠΙΣΤΙΣ ΣΟΦΙΑ. Trad. par Amélineau.

фия к вышнему. Увидала она свет Сокровищницы света, и пожелала идти в то место, и не могла она идти в то место. Однако прекратила она совершать тайну тринадцатого эона, но воспевала свет в вышнем, который узрела в свете завесы Сокровищницы света.

И было: в то время как воспевала она место вышнего, все архонты, которые были в двенадцати эонах, те, что внизу, возненавидели ее, ибо прекратила она их тайну и пожелала идти к вышнему и быть надо всеми ними. Этого ради разгневались они на нее и возненавидели ее; и сей великий Троеильный Дерзкий, то есть сей третий Троеильный, который в тринадцатом эоне, тот, который не послушался и не изшел всей чистотой его силы, бывшей в нем, и не дал чистоты его света в то время, когда архонты отдали их чистоту ему, — пожелал, между тем, стать господином надо всем тринадцатым эоном и теми, которые ниже его.

45 И было: когда архонты двенадцати эонов разгневались на Пистис Софию, которая была выше них, они весьма возненавидели ее. И сей великий Троеильный Дерзкий, о котором я ныне сказал вам, сам присоединился к архонтам двенадцати эонов; и он сам разгневался на Пистис Софию и весьма возненавидел ее, ибо помыслила она идти к свету, который выше него; и он изшел великой силой с ликом львиным; и из его вещества, которое было в нем, он изшел другим множеством вещественных исхождений, очень жестоких и послал их в пределы нижние, в части хаоса, чтобы там теснили они Пистис Софию и взяли у нее ее силу, потому что она помыслила идти к вышнему, который надо всеми ними, и потому что она прекратила дальше совершать их тайну. Но была она упорна, горюя и ища свет, который узрела. И возненавидели ее архонты, которые держались или были утверждены в тайне, которую они совершали. И далее возненавидели ее все стражи, те, кто у врат эонов.

И было: затем, по заповеди первой заповеди сей великий Дерзкий Троеильный 46 преследовал Софию в тринадцатом эоне, чтобы она обратила взор к частям нижним, увидела бы его силу света в этом месте, ту, которая с ликом львиным, и пожелала бы ее, и пошла бы к месту этому, и взяли бы они свет у нее.

И было: затем взглянула она вниз и увидела его силу в частях нижних. И не знала она, что та — от сего Троеильного Дерзкого, но она думала, что та — из света, который узрела прежде в вышнем, того, который был на завесе Сокровищницы света. И, помыслила она: пойду я в сие место без супруга моего, возьму свет, создам из себя эоны света, чтобы могла я идти к Свету светов, который в вышнем вышних. В то время как помыслила она это, вышла она из ее места тринадцатого эона и сошла в двенадцатый эон. Архонты эонов преследовали ее и гневались на нее, ибо замыслила она найти их величие. Она же вышла из двенадцатого эона и сошла в пределы хаоса и приблизилась к силе света с ликом львиным, дабы по- 47 жрать ее. Все же вещественные исхождения сего Дерзкого окружили ее. И великая сила света с ликом львиным пожрала силы света в Софии, очистила ее свет и пожрала его. И ее вещество бросили в хаос. Стало оно архонтом с ликом львиным в хаосе, половина его была от пламени, другая половина — от тьмы. Был он — Иалдабаоф, тот, о котором говорил я вам множество раз. Когда же это случилось, ослабела София весьма, весьма. И опять начала эта сила света с ликом львиным, дабы взять все силы света у Софии; и все вещественные силы сего Дерзкого окружили Софию разом, теснили они ее. Громко воззвала Пистис София, к Свету светов воззвала она, тому, который от начала узрела, в который уверовала. Произвела она это покаяние, так говоря:

1. О, Свете светов, тот, в который от начала уверовала я. Услышь же ныне, Свете, покаяние мое. Спаси меня, Свете, ибо злые мысли вошли в меня.

2. Взглянула я, Свете, на части нижние, узрела я там свет и помыслила: пойду 48 я к тому месту, чтобы свет сей взять. И пошла я и оказалась во тьме, той, что внизу хаоса. И не смогла я вырваться оттуда, дабы пойти к месту моему, ибо теснима

- была всеми исхождениями сего Дерзкого. И сила с ликом львиным взяла свет мой, что у меня.
3. И воззвала я о помощи, и не вырвался вопль мой из тьмы, и обратила я взор мой к вышнему, дабы Свет помог мне, тот, на который уповала я.
4. И когда обратила я взор мой к вышнему, увидала я всех архонтов эонов многочисленных, и взирали они на меня и насмеялись надо мною, хоть и не сделала я им ничего злого, но ненавидели они меня без причины. И когда исхождения сего Дерзкого увидали архонтов эонов, насмехающихся надо мной, они поняли, что архонты эонов не помогут мне, и осмелели они, эти исхождения, что теснили меня силою. И свет, тот, который я не отбирала у них, они отобрали у меня.
5. Ныне же, Свете истины, ты знаешь, что я сделала сие в простоте моей, думая, свет с ликом львиным тебе принадлежит. И грех, который я содеяла, открыт пред тобою.
6. Не дай же мне убавиться, Господи, ибо уповала я на твой Свет от начала. О, Господи, о, Свете силы, не дай мне убавиться в моем свете.
7. Ибо тебя ради и света твоего в тесноте я, и позор покрыл меня.
- 49 8. И света твоего ради стала я чужой моим братьям невидимым и великим исхождениям Барбело.
9. Было сие со мною, о, Свете, ибо взревновала я о месте обитания твоего. И пал на меня гнев сего Дерзкого — того, кто не послушался повеления твоего, чтобы исходил он в исхождение его силы, — ибо оказалась я в его эонсе, не совершив его тайны.
10. И смеялись надо мною все архонты эонов.
11. И вот я в этом месте, горюя и ища Свет, тот, что зреда я в вышнем.
12. И искали меня стражи врат эонов, и все те, кто в тайне его пребывал, надо мною глумились.
13. Я же устремила взгляд мой к вышнему, к тебе, Свете, и уповала на тебя. Ныне же, Свете светов, теснима я во тьме сего хаоса. Коли хочешь ты прийти, чтобы спасти меня, велико твое милосердие, ты услышь меня поистине и спаси меня.
14. Спаси меня от вещества этой тьмы, дабы я не погибла в ней, чтобы спаслась я от исхождений сего божественного Дерзкого, тех, что притеснили меня, и от их злодеяний.
15. Да не поглотит меня эта тьма, и эта сила с ликом львиным да не пожрет целиком всю силу мою. И хаос этот да не покроет силу мою.
- 50 16. Услышь меня, Свете, ибо блага милость твоя, и призри на меня по полноте милосердия твоего.
17. Не отврати лица твоего от меня, ибо сильно истерзана я.
18. Скоро услышь меня и спаси силу мою.
19. Спаси меня архонтов ради, что ненавидят меня, ибо ты, знаешь ты тесноту мою и муку мою и муку силы моей, ту, что взяли у меня. Пред тобою посеявшие меня во все эти злодеяния. Поступи с ними по благоволению твоему.
20. Взирала! сила моя из хаоса и из тьмы. Ждала я супруга моего, не явится ли он, не сразится ли за меня, — и не прибыл он. И ждала я, не явится ли он, не даст ли силы мне, — и его не нашла я. И когда искала я свет, они дали мне тьму.
21. И когда искала я силу мою, они дали мне вещество.
22. Ныне же, Свете светов, тьма и вещество, которыми облекли меня исхождения сего Дерзкого, да станут они им ловушками и да попадут они в них, и да воздашь ты им, и соблазнятся они, и не вступят они в место Дерзкого их.
23. Да пребудут они во тьме и да не видят света; да взирают они на хаос всякое время и да не обратят взора к вышнему.
24. Обрушь на них их месть и да обымет их твой закон.
- 51 25. Да не вступят они в их место с сего времени к их божественному Дерзкому, и да не вступят его божественные исхождения в их места с сего времени, ибо не-

честив и дерзок их бог, и он мыслил, что совершил он злодеяния эти от себя, сам не ведая, что если бы не смирилась я по заповеди твоей, не имел бы он власти надо мною.

26. Но когда смирил ты меня по заповеди твоей, преследовали они меня еще более, и исхождения их приложили страдание к смирению моему.

27. И взяли они силу света у меня, и вновь начали, весьма теснили они меня, дабы свет весь, что во мне, взять. Того ради, во что выселили они меня, да не поднимутся они в тринадцатый эон, место правды.

28. И да не причтутся они к наследию очищающихся со светом их, и да не причтутся они к тем, которые скоро покаются, дабы скоро получить тайну в свете.

29. Ибо взяли они у меня свет мой. И стала оскудевать во мне сила моя. И убавилась я светом моим.

30. Ныне же, Свете, который в Тебе и который во мне, воспеваю я имя Твое, Свете, в славе.

31. И да будет, Свете, гимн мой угоден Тебе как тайна возвышенная, та, что вводит во врата света, та, которую изрекут те, кто покается, и которой светом они очистятся.

52 32. Ныне же да возвеселятся все вещества; ищите все свет, дабы сила вашей души, которая в вас, была жива.

33. Ибо свет внял веществам. И не оставил Он никакие вещества без того, чтобы не очистить их.

34. Да восхвалят Господа всех эонов души и вещества, и вещества и все, что в них.

35. Ибо Господь спасет их душу из всякого вещества. И уготовят град в свете. И все души, которые спасутся, пребудут в том граде, и унаследуют они его.

36. И душа тех, которые тайну получают, пребудет в том месте. И те, которые получили тайну во имя Его, пребудут в ней».

И было: когда Иисус сказал эти слова его ученикам, он сказал им: «Это гимн, который рекла Пистис София в своем первом покаянии, каюсь в своем грехе и говоря обо всем, что произошло с ней. Ныне же тот, кто имеет уши слышать, да услышит он».

53 Снова вышла вперед Мария и сказала: «Господи мой, есть уши у моего человека света, и слышу я в моей силе света, и твой дух, который во мне, он отрезвил меня. Услышь же, что говорю я о покаянии, которое произвела Пистис София, говоря о грехе своем и обо всем, что произошло с нею. Сила твоя пророчествовала некогда об этом через пророка Давида в шестьдесят восьмом псалме:

1. Избавь меня, Боже, ибо воды дошли до души моей.

2. Погряз я или погиб в тине преисподней, и не было у меня силы; опустил я в глубины морские, буря поглотила меня.

3. Исстрадался я, взывая; гортань моя охрипла; очи мои убыли, в то время как уповал я на Бога моего.

4. Многочисленнее волос на голове моей ненавидящие меня без причины; усилились враги мои, преследующие меня несправедливо; чего не грабил я, они отняли у меня.

5. Боже, Ты узнал безумие мое; и грехи мои не сокрыты от Тебя.

6. Да не постыдятся во мне надеющиеся на Тебя, Господи, Господи сил; да не срамятся во мне ищущие Тебя, Господи, Боже Израилев, Боже сил.

7. Ибо Тебя ради взял я на себя поношения, позор покрыл лице мое.

8. Стал чужим я братьям моим, чужим сынам матери моей.

9. Ибо ревность по дому Твоему снедала меня; поношения поносящих Тебя (в руки меня) пали на меня.

10. Согнул я постом душу мою: это стало мне в поношение.

11. Я облекся во вретиче; стал я для них притчею.

12. Кричали обо мне сидящие у ворот, и распевали обо мне пьющие вино.

- 54 13. Я же молился в душе моей Тебе, Господи; время благоволения Твоего, Боже; по полноте милости Твоей услышь о спасении моем поистине.
14. Избавь меня от этой тины, дабы не погрязнул я в ней; да спасусь я от ненавидящих меня и от глубины вод.
15. Да не поглотит меня пучина; да не пожрет меня преисподняя; да не схватит меня колодезь пастью своею.
16. Услышь меня, Господи, ибо блага милость твоя; по полноте милосердия Твоего призри на меня.
17. Не отврати лица Твоего от раба Твоего, ибо скорблю я.
18. Услышь меня скоро; внемли душе моей и избавь ее.
19. Спаси меня врагов моих ради, ибо Ты, знаешь Ты поношение мое, и позор мой, и посрамление мое. Все оскорбляющие меня пред Тобою.
20. Сердце мое ждало поношения и страдания; ждал я того, кто будет скорбеть со мною, — не нашел я его, и того, кто утешит меня, — не обрел я его.
21. Они дали желчь в пищу мою; они напоили меня уксусом в жажде моей.
22. Да будет трапеза их пред ними ловушкою, и сетью, и воздаянием, и соблазном.
23. Согни хребет их навсегда.
24. Пролей на них гнев Твой, и ярость гнева Твоего да обмет их.
25. Да будет жилище их пусто; никто да не живет в жилище их.
26. Ибо кого Ты поразил, они преследовали его; они приложили к боли ран его.
27. Они приложили беззаконие к беззакониям их; и да не войдут они в правду
- 55 Твою.
28. Да истребятся они из книги живых; и да не напишутся они вместе с праведниками.
29. Я же — бедный и который страдал; благо лица Твоего, Боже, прияло меня к себе.
30. Восхваляю я имя Бога моего с песнею и возвеличу Его в хвалении.
31. Будет это более угодно Богу, нежели телец юный, вздымающий рога и копыта.
32. Да узрят бедные и возвеселятся. Ищите Бога, дабы души ваши были живы.
33. Ибо Господь внял бедным. И не пренебрег Он теми, кто в медных оковах.
34. Да восхвалят Господа небо и земля, море и все, что в нем.
35. Ибо Бог спасет Сион, и созиждутся грады иудейские, и поселятся там, и унаследуют его.
36. Семя рабов Его удержит его и любящие имя Его пребудут в нем».
- И было: когда Мария сказала эти слова Иисусу посреди учеников, она сказала ему: «Господи мой, это есть разрешение тайны покаяния Пистис Софии».
- 56 И было: когда Иисус услышал Марию, сказавшую эти слова, он сказал ей: «Хорошо же, Мария, блаженная, плерома или всеблаженная Плеромы, та, которую будут ублажать во всех родах».

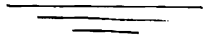
М. К. Трофимова

THE FIRST PENITENT HYMN OF SOPHIA:
FROM THE GNOSTIC INTERPRETATION

М. К. Trofimova

The interpretation that constitutes the semantic core of many Gnostic texts deserves careful study from various angles. In particular it is undoubtedly of interest how the interpretation was realised in the texts themselves, what form it acquired, and to what intratextual links it led. The present paper, devoted to analysis of a fragment of *Pistis Sophia*, a Gnostic work that has come down from a fourth century Coptic manuscript, was written during study of this general problem. The first penitent hymn of Sophia

cited in the fragment, and the 68/69th Psalm of David, are linked together through the translation. This relation becomes evident from a parallel examination of the hymn and the psalm, which are rooted in two different symbolic systems — Gnostic mythology and Biblical religiosity. The many correspondences of the hymn and psalm discovered during analysis of the fragment (inherent in the text but not discussed in it) explain the sense of the key statement that the psalm is «an authorisation of the secret of the repentance *Pistis Sophia*», that is, plays the role of interpretation of the hymn. Understanding of the correspondences the text is oriented to reveals the essence of the Gnostic understanding — of the mystic path to awareness of the profound unity of the many manifestations of one reality. The paper is accompanied by a translation of the fragment by the author from the Coptic text *Pistis Sophia* as edited by K. Schmidt.

Ω